

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНА / POLITICAL SPACE OF A REGION

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407, eISSN 2587-8549

УДК 329(497.15)

А. С. ЕЛСАКОВ **ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ**

Ключевые слова: регион; Босния и Герцеговина; партийная система; политические партии; структура партийной системы; действительное количество партий; фракционализация партийной системы; электоральная волатильность; поляризация партийной системы; сегментированное общество

Введение: Босния и Герцеговина как часть региона Западных Балкан принадлежит к группе стран Центрально-Восточной Европы. Данные государства после окончания холодной войны претерпели многоступенчатую общественно-политическую трансформацию: процессы «демократического транзита» в политической сфере жизни общества сопровождались рыночными реформами в социально-экономической сфере в условиях сильно изменившегося международного контекста, когда эти страны взяли курс на участие в процессах европейской интеграции. Эти аспекты повлияли на конфигурацию партийных систем государств ЦВЕ, причем случай Боснии и Герцеговины имеет еще и свои особенности: неоднородность этнического состава населения, где существуют политически и социально хорошо организованные три крупнейшие группы, и специфическое государственное устройство, возникшее как результат окончания вооруженного конфликта, которым сопровождалась дезинтеграция бывшей Югославии, вместе задающие определенные рамки протекания политического процесса в государстве. Политические партии, выполняя роль главного связующего звена между структурами управления в государстве и его населением, могут являться важным индикатором преобладающего в государстве общественно-политического дискурса, что отражается на структуре партийной системы и тех основных направлениях, по которым протекает соревнование между главными акторами в системе.

Материалы и методы: анализ партийной системы Боснии и Герцеговины проводился с использованием статистических данных по трем избирательным циклам (с 2006 по 2014 г.) для того, чтобы иметь дело с устойчивыми, по-

ЕЛСАКОВ Антон Сергеевич, аспирант кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7—9) (e-mail: anton.elsakov@gmail.com). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1153-0360>

© Елсаков А. С., 2017

вторяющимися во времени ее характеристиками. В основу статьи положен системный подход к исследованию партийных систем, где сам феномен партийной системы рассматривается как имеющий собственные атрибуты, влияющие на протекание процессов в системе, и тем самым партийная система как таковая не может сводиться лишь к простому набору составляющих ее элементов (политических партий). Партийная система Боснии и Герцеговины рассматривалась сквозь призму двух магистральных аспектов исследования партийных систем: количества и относительной силы составляющих ее элементов (для чего были привлечены такие показатели, как фракционализация партийной системы, действительное количество партий в системе, степень электоральной неустойчивости системы, размеры концентрации партий в системе) и масштабов идеологической поляризованности партийной системы (для характеристики которой были использованы показатели идеологического центра притяжения системы и размеров ее поляризации). Также была определена степень открытости партийной системы, характеризующая то, как и в каком направлении присущие системе ограничения влияют на поведение действующих в ней акторов.

Результаты исследования: партийная система Боснии и Герцеговины носит крайне многопартийный характер при относительном балансе между акторами системы. При этом партийный состав правительства страны и внутрисекторальность электоральной волатильности политических партий дополнительно свидетельствуют о наличии четких путей, по которым в целом протекает политическое соревнование в системе в условиях крайне стабильной, не подверженной значительным во времени колебаниям структуры избирательного корпуса партий, ориентированных на отдельные этнические группы населения. В пользу этого же говорят и весьма умеренные показатели идеологической поляризованности партийной системы Боснии и Герцеговины по экономическому и постматериалистическому измерениям при несколько смещенном вправо ценностном измерении идеологического центра притяжения системы. Основной стиль соревнования за участие в правительстве между акторами партийной системы также свидетельствует о крайне закрытом характере партийной системы Боснии и Герцеговины в этом контексте.

Обсуждение и заключения: специфический институциональный дизайн органов государственной власти в Боснии и Герцеговине и связанные с ним характерные особенности избирательной системы непосредственно оказывают влияние на многие аспекты конфигурации партийной системы страны. В общем виде партийная система Боснии и Герцеговины может быть классифицирована как расширенная многопартийная система (по количеству релевантных партий) с умеренной поляризацией (по классическому и постматериалистическому измерениям) и с многополярным характером соревнования (где существует несколько идеологических измерений, различающихся по степени важности для партийной системы). Особенностью партийной системы Боснии и Герцеговины является ее структурированность вдоль определенных, в высокой степени изолированных друг от друга политических единиц, составленных из трех ее основных этнических групп,

и которые явно выражены сквозь призму соответствующих электоральных корпусов. Основная ось межпартийного соревнования в Боснии и Герцеговине, таким образом, вращается вокруг вопросов институционального устройства государственных органов и их компетенции, а также вокруг иной актуальной для жизни отдельных этнических сообществ тематики, что свидетельствует о незавершенности политических дискуссий по поводу стержневых основ строительства государства и необходимости создания единой боснийско-герцеговинской нации.

Введение. Босния и Герцеговина принадлежит к группе стран, которые в настоящее время принято называть государствами региона Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Помимо чисто географического аспекта, причина для подобной классификации заключается в том, что государства региона столкнулись с рядом общественных изменений после окончания холодной войны. Они оказались перед лицом участия в процессах «демократического транзита», вследствие чего изменился качественный состав основных политических акторов, а также институциональные основы их деятельности, начались процессы проведения рыночных экономических реформ, меняющих модель хозяйственных взаимоотношений в обществе, и все это происходило в изменившемся международном геополитическом контексте, когда все государства региона провозгласили своей целью «возвращение в Европу», что стало находить выражение в ускоренном участии в европейских интеграционных процессах.

В более узком смысле Босния и Герцеговина относится к государствам региона Западных Балкан, который был введен в оборот чиновниками Европейского Союза (ЕС) более десяти лет назад и сейчас широко используется в академических, так и в политических кругах стран-членов ЕС и самих государств Балканского полуострова (в меньшей степени это касается российской политической и научной общественности). Смысл появления этой флоскулы заключался в отделении государств Западных Балкан (включавших государства бывшей Югославии до ее дезинтеграции в начале 1990-х гг., кроме Словении, но включая Албанию) от других балканских государств, например Болгарии, Румынии, Греции, на основании того, что вторые к моменту начала широкого использования этого термина уже приступали к завершающей стадии институционального оформления своего

членства в ЕС (или уже будучи его членами долгое время, как в случае с Грецией), от той группы стран, которые находились на не столь продвинутой стадии интеграции в европейское сообщество в силу различного рода причин, однако которые в лице своих легитимных политических представителей декларативно заявили о своем намерении участвовать в евроинтеграционных процессах.

Упомянутые явления произвели эффект и на конфигурацию партийных систем государств ЦВЕ, которая начала функционировать на многопартийной основе и в которой новые общественные разделения, вызванные многогранными транзитными изменениями, приобрели ключевое положение. Ситуация в случае с Боснией и Герцеговиной имеет и существенные отличия от общей ситуации как в регионе Западных Балкан, так и в целом в ЦВЕ. Процессы общественных изменений, переживаемых посткоммунистическими государствами в начале 1990-х гг., совпали по времени с вооруженным конфликтом на территории Боснии и Герцеговины, в связи с чем в весьма специфических условиях и особым образом происходил процесс строительства независимого государства, что само по себе оказывает влияние на образование доминирующих общественных разделений. Кроме того, этническая основа общественных разделений для Боснии и Герцеговины является одним из решающих факторов, влияющих на протекание политического процесса в государстве. Степень важности этого обстоятельства демонстрирует уже тот факт, что не существует единства среди политических представителей основных этнических групп населения по вопросу о фундаментальных основах существования самого государства, не говоря уже о конкретных институциональных особенностях его функционирования.

Босния и Герцеговина — уникальное государство с точки зрения своего институционального устройства. Это относится как к формальным институтам государственной власти, так и к отдельным общественным и политическим институтам. Само нынешнее государственное устройство было оформлено как результат так называемых Дейтонских соглашений 1995 г., завершивших вооруженный конфликт начала 1990-х гг. на территории Боснии и Герцеговины. Поскольку основной целью этих соглашений были прекращение военных действий и поиск взаимоприемлемых для сторон институциональных

условий сосуществования в рамках одного государства, сам по себе подобный формат является не особенно надежным фундаментом для создания основополагающих предпосылок юридического характера, которые бы при этом заключали в себе неоспоримую политическую легитимность. В отличие от большинства суверенных государств, где основной закон (конституция) государства является предметом долгих рассуждений и консенсуса между различными заинтересованными политическими акторами и представителями общественности в духе понимания народа как источника суверенитета, в случае Боснии и Герцеговины подобные условия на момент имплементации основных правовых норм отсутствовали, а конституция явилась неотъемлемой частью самих соглашений из Дейтона, т. е. имплантированной со стороны международного фактора. Такое обстоятельство не могло не отягощать процедуру бесконфликтного функционирования основных общественных институтов страны.

Более того, объем полномочий и правосубъектность составных частей государства остаются неоднозначными для участников политического процесса. Характер исполнительной власти априори заключал в себе потенциал отсутствия формального единства (коллективный президиум, состоящий из трех членов, по одному от каждого из народов, а также иные особенности устройства исполнительной власти в стране). Та же особенность присуща и представительным органам власти в государстве, которое имеет общий двухпалатный парламент (что уже несет определенную коннотацию федеративного характера устройства государственной власти), а также парламенты двух своих энтитетов, равно как и порядок замещения депутатского или сенаторского состава этих органов власти, что выражается и в избирательной системе.

В целом государственное устройство Боснии и Герцеговины напоминает попытку осуществления идеалов общественной (консенсусной) демократии А. Лейпхарта, когда отдельные составные части (со)существуют в рамках одного государства, действуя в контексте единых государственных институтов, при этом стремясь находить разрешение имманентно присущих их политическому бытию конфликтов на основе консенсуса. Такая модель может давать различный результат (примерами общественной демократии являются

Бельгия, Канада, Северная Ирландия и др.), зависит от глубины и характера исторически обусловленных общественных разделений, а по поводу ее эффективности не существует единого мнения среди политологов.

В связи с этим актуален анализ партийной системы Боснии и Герцеговины в силу того, что основные особенности партийных систем могут давать информацию относительно целого спектра составляющих общественно-политической жизни государства. Исходя из основополагающих функций политических партий, таких как артикуляция и агрегация общественно значимых интересов, с одной стороны, и репрезентация актуальных проблем и разделений, существующих в обществе, с другой стороны, партийные системы являются элементом (подсистемой) политической системы государства, которая характеризует идеологическую сферу жизни общества. Будучи связующим звеном между гражданским обществом и государственной властью, политические партии могут рассматриваться как квинтэссенция наиболее значимых и влиятельных вопросов, доминирующих в преобладающем дискурсе того или иного общества, а функционируя в качестве партийной системы, они отражают создаваемые и актуализируемые акторами практики проведения в жизнь государственной политики на основе избираемых этими акторами (партиями) стратегий поведения в рамках существующего системного ограничения.

Обзор литературы. Основная теоретическая база для исследования современных партийных систем содержится в работах, ставших уже классическими для партологии как отдельной отрасли политической науки. При этом используются множественные показатели, характеризующие те или иные аспекты функционирования партийных систем.

Измерение количества релевантных партий в системе на основе индекса действительного числа парламентских и электоральных партий разработано М. Лааксо и Р. Таагерой [1]. Несколько иной индекс для подсчета количества действительного числа партий в партийной системе предложен Х. Молинаром [2]. Связанное с предыдущим показателем измерение дробности партийной системы, степени дисперсии акторов в ней оценивается с помощью индекса фракционализации, предложенного Д. Рзем [3]. Индекс избирательной неустойчивости, введенный М. Педерсеном [4],

позволяет оценить стабильность поддержки как отдельных политических партий от выборов к выборам, так и общую волатильность партийной системы от одних выборов к другим. Показатели позиций первой, второй и третьей партии системы, их соотношения друг с другом использовал в своих исследованиях А. Сиарофф для выделения наличия или отсутствия тенденций доминантности акторов в партийной системе [5]. Его подход основан на более ранней методологии Ж. Блонделя [6], применявшего аналогичные параметры при классификации разновидностей многопартийных систем и выделившего, в частности, систему 2,5 партий (или трехпартийную систему) также на основе доминантных тенденций в партийных системах.

Показатели основных стилей участия партий в коалициях, наличия реальной возможности или ее отсутствия для всех акторов системы принимать участие в создании правительства, а также изменчивости качественного состава правительств по прошествии времени использовал П. Мэр [7], на основании чего он выделял открытые и закрытые партийные системы.

Для определения поляризации партийной системы как меры идеологической дисперсии акторов в партийной системе, принимающей во внимание также относительную силу политических партий, а потому способной определить совокупную мировоззренческую поляризованность системы в целом, используются индексы поляризации партийной системы, среди которых наибольшую известность получили индексы Ли Сигельмана и Син Нам Ю [8], Р. Далтона [9], Л. Кьюрини и А. Хино [10].

Существует множество классификаций и типологизаций партийных систем. Ряд из них, по мнению современников, является достаточно устаревшим, поскольку начал создаваться еще с 50-х гг. XX в. Поэтому в числе современных и наиболее комплексных классификаций, принимающих во внимание большое количество параметров, необходимо отметить предложенные А. Сиароффом [5] и С. Уолинецом [11].

Если говорить о партийных системах государств ЦВЕ в целом, то после распада «социалистического лагеря» возник интерес со стороны политологов к общему состоянию партий бывших посткоммунистических государств. В числе причин подобного интереса можно отметить то, что данные

страны вступили на путь радикального реформирования экономических и общественно-политических моделей своего существования. Исследователей интересовало, насколько успешными будут стратегии проведения реформ, как они могут повлиять на отдельные аспекты функционирования политической системы, наконец, насколько большой является разница между институциональными условиями, в которых действуют акторы системы в государствах ЦВЕ, от тех, которые присущи государствам Западной Европы, а также ряду неевропейских государств так называемой «третьей волны демократизации». Неудивительно, что основная масса исследований партийных систем государств бывших посткоммунистических стран приходится на работы сравнительно-сопоставительного характера, охватывающие сразу несколько государств ЦВЕ или сопоставляющих эти системы с западноевропейскими партийными системами. Исследования проводились как с использованием количественных параметров, разработанных политической наукой для изучения партийных систем или их комбинаций, так и в общеполитическом контексте исторически обусловленной политической культуры стран ЦВЕ, влияющей на конфигурацию партийных систем региона.

Особенности идеологического соревнования в партийных системах стран ЦВЕ отражены в работах Дж. Ишиямы [12], Дж. Друкмена и Э. Робертса [13]. Ряд работ посвящен факторам институционального характера, влияющим на функционирование партийных систем региона. Так, Г. Райх [14] показал влияние так называемых «вводных» выборов (т. е. выборов, состоявшихся непосредственно после отхода от однопартийной системы в период начала процесса «демократического транзита») на фракционализацию партийных систем и общий уровень электоральной волатильности в них. Анализ партийных систем государств ЦВЕ с привлечением таких параметров, как действительное число партий в системе и размер электоральной волатильности, проведен Дж. Биеласяком [15], который также отмечает влияние законодательных рамок регулирования партийных систем (конкретных избирательных систем, в пользу которых был сделан выбор в процессе перехода к демократии, а также электорального законодательства) на их конфигурацию в качестве институционального фактора.

Широкому спектру условий, в соответствии с которыми возникали партийные системы государств ЦВЕ и которые влияли на их основные параметры, посвящено исследование Х. Китчельта [16]. Также на важность исторически существовавших в конкретных государствах ЦВЕ особенностей политической культуры обращает внимание Г. Поп-Элехес [17]. Высокое значение ценностных ориентаций избирателей, даже превосходящих размышления экономического характера при принятии решения о том, какую партию поддерживать на выборах, отмечается в работе Г. Токи [18].

Принципам формирования правительственных коалиций в посткоммунистических государствах посвящены исследования А. Гжымалы-Буссе [19], Ф. Мюллер-Роммеля [20], Дж. Тооле [21] и др.

Авторы из самого региона ЦВЕ не считают, что динамика развития партийных систем в государствах ЦВЕ сильно отличается от той, которая присутствует в государствах Западной Европы. Так, М. Кубат [22] не находит подтверждений наличия различной динамики партийных систем ЦВЕ в целом в том, что касается основных количественных показателей функционирования партийных систем. Условия, в которых функционировали партийные системы стран региона, действительно отличались от западноевропейских в том, что страны претерпевали процессы общественно-политических и экономических трансформаций в начале 1990-х гг. и еще длительное время, однако сейчас это, по его мнению, уже неактуально. В то же время он также отмечает наличие в каждой стране региона своих специфических условий, способных в различной мере влиять на конфигурацию партийно-политического пространства. К схожему выводу приходит Я. Ровны [23], который выделяет такие актуальные для стран ЦВЕ измерения, как экономическое общественное разделение, этнический и религиозный факторы, а также опыт, полученный в процессе государственного строительства после начала процесса «демократического транзита», каждое из которых имеет в отдельных случаях разное значение для формирования партийных систем конкретных государств.

Наличие специфических особенностей, присущих партийной системе Боснии и Герцеговины, отмечают исследователи из самого государства. Так, Д. Капиджич [24], исследуя партийную систему государства на основе коли-

чества релевантных партий в системе и ее электоральной волатильности, отмечает полную доминацию этнополитических социальных расколов в формировании боснийско-герцеговинской партийной системы, где расстояние между отдельными этническими общностями настолько велико, что сама Босния и Герцеговина являет собой образец сегментированного политически и социально общества со своими собственными идеологическими (суб)культурами; при этом, естественно, идеологическая дистанция среди партий «гражданской ориентации» крайне невелика. Это, по его мнению, еще долгое время будет ключевым для партийной системы Боснии и Герцеговины. К такому же заключению приходит, например, А. Осмич [25], анализирующий выбор партиями основных стратегий ведения и идеологического содержания избирательных кампаний.

Материалы и методы. При проведении исследования мы опирались на классическое определение партийной системы, данное Дж. Сартори, как «структуры политического пространства, имеющей определенные, четко сложившиеся пути взаимодействия ее составных частей, где подобные взаимодействия представляют собой границы или, по крайней мере, возможность ограничения системы, а партии составляют систему только тогда, когда они являются частями единой системы, и лишь при таких условиях партийная система является системой взаимодействий, вытекающих из межпартийного соревнования» [26, с. 43—44]. Таким образом, вопреки представлению о партийной системе как о наборе действующих в ней политических партий, которые могут составлять, а могут и не образовывать партийной системы как таковой, это определение обращает внимание на структуру системы и механизмы взаимодействия партий в системе.

Обычно при проведении анализа партийных систем в политической науке принято обращать внимание на два основных аспекта.

Первым аспектом является количество акторов в системе, которые могут быть значимыми для функционирования партийной системы и определять основные способы взаимодействия между собой (например, конфронтация или сотрудничество). Здесь речь идет об относительной силе акторов, что может иметь последствия для самой систе-

мы, выражающиеся в определенных схемах выстраивания акторами стратегий поведения в системе. Этот аспект сосредоточивает свое внимание на формальных (механических) условиях, влияющих на системные ограничения, в которых действуют акторы в рамках партийной системы. Кроме того, распределение относительной силы элементов системы (политических партий) также определяет фракционность (дробность) партийной системы, т. е. насколько равномерно расположены акторы в системе согласно своей относительной силе.

Для определения количества значимых элементов в партийной системе Боснии и Герцеговины, их относительной силы, а также стабильности поддержки населением акторов системы нами использовались *индексы действительного числа партий в системе, фракционализации партийной системы и избирательной (электоральной) неустойчивости партийной системы*. Индекс действительного (эффективного) числа партий в системе был предложен М. Лааксо и Р. Таагеперой и принимает во внимание взвешенные (средние) показатели силы акторов в системе, а высчитывается так, что единица делится на возведенную в квадрат сумму полученных партиями голосов или депутатских мест по итогам проведенных парламентских выборов [1]. Индекс фракционализации партийной системы, предложенный Д. Рэем, тесно связан с индексом действительного числа партий в системе, поскольку оперирует теми же показателями, а высчитывается посредством определения разницы между единицей и возведенной в квадрат суммой полученных партиями голосов или депутатских мест по итогам проведенных парламентских выборов [3]. Наконец, индекс электоральной неустойчивости, предложенный М. Педерсеном, характеризует изменчивость избирательных предпочтений населения и представляет собой сумму модульной разницы между голосами, полученными партиями на одних выборах, и голосами, полученными ими на последующих выборах [4]. Также мы использовали агрегированные показатели концентрации партий в системе, использовавшиеся А. Сиароффом [5] для установления наличия тенденций доминантности элементов в партийных системах.

Второй аспект — степень идеологической поляризованности партийной системы. Здесь речь идет о том, насколько

далеко друг от друга расположены акторы системы с точки зрения своих политических позиций. Этот фактор оказывает влияние на то, насколько трудно акторам системы находить различные точки соприкосновения между собой, носит ли система тем самым конфронтационный характер или же в ней преобладают тенденции взаимодействия акторов. Кроме того, этот аспект анализа партийных систем характеризует идеологический спектр, представленный в партийной системе ее акторами, и выделяет доминирующий, вокруг которого происходит соревнование партий в системе.

Для выявления указанных аспектов в партийной системе Боснии и Герцеговины мы также использовали индекс идеологического центра притяжения партийной системы и индекс поляризации партийной системы.

Первый индекс (авторы — Д. Гросс и Л. Сигельман) высчитывается путем определения суммы результата умножения долей мест, полученных партиями по результатам выборов, на их позицию на идеологическом континууме [27]. Он показывает средоточие протекания идеологического соревнования в партийной системе, так как оперирует идеологической позицией акторов и их электоральным результатом.

Второй индекс (разработан Л. Сигельманом) высчитывается с помощью определения суммы доли голосов, полученных каждой из партий на определенных выборах, умноженной на возведенную в квадрат разницу между положением конкретной партии на лево-правой шкале и средним лево-правым значением партийной системы [8]. Индекс определяет степень идеологической поляризованности партийной системы путем включения данных как по относительной силе конкретных акторов системы, так и по их идеологической позиции, в то же время интегрируя предыдущий индекс как значение средней идеологической позиции системы.

В дополнение к двум основным для партологии подходам к анализу партийных систем мы также привлекли подход, использовавшийся П. Мэром [7], чтобы определить степень открытости партийной системы Боснии и Герцеговины как характеристики реальной возможности для акторов системы участвовать в правительстве, наличия или отсутствия устойчивых тенденций в образовании предвыборных коалиций и коалиций в управлении страной после состоявшихся выборов. Такой подход характеризует существующие

системные ограничения, в понимании Дж. Сартори [26], в условиях которых акторы действуют в системе, на основании которых они выбирают стратегии своего поведения в системе, которые могут определяться относительной силой партий, их программными установками и т. п. Этот критерий позволяет делать вывод об открытости или закрытости структуры партийной системы в контексте доступа акторов партийной системы к распределению правительственных должностей и, соответственно, о преобладающей схеме, по которой развивается партийное соревнование в борьбе за участие в правительстве.

Мы оперировали статистическими данными по трем избирательным циклам в Боснии и Герцеговине (с 2006 по 2014 г.) для того, чтобы выделить устойчивый, длительный по времени динамический аспект партийной системы, поскольку ситуация, складывающаяся по итогам лишь одних выборов, может представлять только определенную тенденцию в системе, а не присущее ей регулярно повторяющееся свойство. Поэтому, например, А. Сиарофф рекомендует при проведении анализа партийных систем принимать во внимание как минимум три избирательных цикла подряд [5].

Результаты исследования. Несомненный интерес представляет характеристика партийной системы страны с привлечением показателей количества и относительной силы акторов, ее составляющих. Данные по действительным числам партий в партийной системе приведены в табл. 1.

Таблица 1

Действительное число партий в партийной системе Боснии и Герцеговины в 2006, 2010, 2014 гг.*

Год всеобщих выборов	ENPP; действительное число парламентских партий	ЕНЕР; действительное число электоральных партий
2006	7,17	9,00
2010	7,67	10,05
2014	7,61	9,49

* Собственные вычисления автора на основе методологии М. Лааксо и Р. Таагеперы [1] и данных по выборам в парламент Боснии и Герцеговины. Показатель действительных чисел вычислен по следующим формулам (для электорального и парламентского числа соответственно):

$$\frac{1}{\sum_{i=1}^n V_i^2}, \quad (1)$$

где V — доля голосов партии i ;

$$\frac{1}{\sum_{i=1}^n S_i^2}, \quad (2)$$

где S — доля мест партии i .

Высокие показатели действительного числа партий в случае с Боснией и Герцеговиной свидетельствуют о высокой степени плотности партийной системы с точки зрения относительной силы ее акторов в сравнении с действительными числами партийных систем таких государств региона Западных Балкан, как Сербия (где с 2003 по 2016 г. число парламентских партий находилось в диапазоне от 2,26 до 4,87) или Хорватия (где в тот же период это число варьировалось от 2,62 до 3,56). Это находит свое выражение в том, что, как правило, процесс управления государством происходит в формате широких коалиций как следствия отсутствия количественного преобладания какого-либо из акторов в партийной системе. За последнее время не зафиксировано ни одного случая доминирования какой-либо из партий в системе, не было и случаев однопартийного правления. На высокое действительное число партий оказала влияние специфика избирательной системы (где государство разделено на восемь избирательных округов, и результат прохождения, например, в Парламентскую ассамблею Боснии и Герцеговины (ПА БиГ) — федеральный парламент, определяется результатом, показанным партиями в отдельных избирательных округах). Однако такая ситуация является также и логическим продолжением сложной институциональной структуры органов государственной власти, задуманной для недопущения доминирования представителей одного из этносов, а также чрезвычайной актуальностью этнического фактора общественного разделения, когда партии, чьим электоратом являются конкретные этнические общности, демонстрируют значительный электоральный результат именно в регионах с преобладанием данной этнической группы в совокупном составе населения.

Как видим, представленные показатели во временном отношении варьируются крайне незначительно. В первом

случае вариация составляет 0,60, во втором случае — чуть более единицы. Это означает, что партийная система Боснии и Герцеговины при всей своей фрагментированности (оба числа исключительно высоки даже в сравнении с партийными системами соседних государств) стабильна, число важных для системы политических партий долго не меняется. Несколько более высокий показатель числа электоральных партий в сравнении с парламентскими — обычное явление, поскольку на разницу между этими двумя числами влияет избирательная система, точнее, способ распределения мандатов при пропорциональной избирательной системе.

Поскольку индексы действительного числа партий в системе и фракционализации партийной системы тесно взаимосвязаны, крайне высокая фракционированность партийной системы страны неудивительна (табл. 2).

Таблица 2

**Фракционализация партийной системы
Боснии и Герцеговины в 2006, 2010, 2014 гг.***

Год всеобщих выборов	Fs; парламентская фракционализация	Fv; электоральная фракционализация
2006	0,86	0,89
2010	0,87	0,90
2014	0,87	0,89

* Собственные вычисления автора на основе методологии Д. Рэя [3] и данных по выборам в парламент Боснии и Герцеговины. Данный показатель вычисляется по формулам (для электоральной и парламентской фракционализации соответственно):

$$1 - \sum_{i=1}^n Vi^2, \quad (3)$$

где Vi — доля полученных партией i голосов на выборах;

$$1 - \sum_{i=1}^n Si^2, \quad (4)$$

где Si — доля полученных партией i голосов на выборах.

Как видно из табл. 2, показатели фракционализации партийной системы Боснии и Герцеговины, как и в случае с действительным числом партий в системе, почти не отличаются друг от друга с 2006 по 2014 г. Разница в значениях парламентской и электоральной фракционализации обусловлена воздействием избирательной системы при процессе распределения мандатов политическим партиям. Следует отметить гораздо большие показатели фракцио-

нализации партийной системы в сравнении с партийными системами других стран региона (например, парламентская фракционализация партийной системы Хорватии не достигает значений выше 0,72, а в Сербии не была в тот же период выше 0,79). Столь высокие числа фракционализации для Боснии и Герцеговины объясняются тем, что ПА БиГ насчитывает намного меньшее число депутатов (42), чем хорватский сабор или сербская скупщина. Поэтому при переводе полученных партиями голосов в парламентские места в условиях пропорциональной избирательной системы она просто «не успевает» исказить результат в пользу крупных партий и в ущерб более мелким в той мере, в которой это происходит в системах, где главный законодательный орган страны имеет большее число депутатов.

Высокая фракционализация означает, что плотность расположения партий внутри парламента в количественном отношении очень велика, что затрудняет появление доминантных тенденций в партийной системе. С одной стороны, это не способствует стабильному функционированию законодательного органа, особенно в условиях Боснии и Герцеговины, определяет необходимость заключения поствыборных коалиций, так как почти ни одна политическая сила в парламенте не может иметь полный однопартийный контроль над самим парламентом и правительством. С другой стороны, это отражает представленность энтитетов страны и в большей степени соответствует политическому выбору, сделанному населением. На основе данных по действительным числам партий в партийной системе государства и масштабу ее фракционированности можно классифицировать ее как *крайне многопартийную систему с относительным балансом между партиями в системе*. Партийная система Боснии и Герцеговины с точки зрения агрегированных показателей концентрации партий в системе представлена в табл. 3.

Таблица 3

**Показатели партийной концентрации для партийной системы
Боснии и Герцеговины в 2006, 2010, 2014 гг.***

Год всеобщих выборов	PP	P3%S	1PSC	2PSC	SR1:2	SR2:3
2006	12	7	21,43	40,48	1,13	1,14
2010	12	8	19,05	38,10	1,00	1,14
2014	12	8	23,81	38,10	1,67	1,20

* Собственные вычисления автора на основе методологии А. Сиарофа [5] и данных по выборам в парламент Боснии и Герцеговины (PP —

число парламентских партий; $P3\%S$ — число партий, имеющих более 3 % мест в парламенте; $IPSC$ — доля мест в парламенте крупнейшей партии; $2PSC$ — доля мест в парламенте двух крупнейших партий; $SR1:2$ — соотношение долей мест первой и второй партий системы; $SR2:3$ — соотношение долей мест второй и третьей партий системы).

Пятый созыв ПА БиГ, начавший свою деятельность по итогам выборов 2006 г., насчитывал 12 политических субъектов в своем составе. Количество партий, имеющих долю мест свыше 3 %, было 7. Доля двухпартийной концентрации находилась на уровне 40,5 % при силе первой партии (Партия демократического действия, ПДД) в 21,4 %. Плотность концентрации в партийной системе Боснии и Герцеговины характеризует тот факт, что соотношение долей мест первой (ПДД) и второй (Партия за Боснию и Герцеговину, ПБиГ) партий системы составляло всего 1,13, в то время как соотношение аналогичного показателя для второй и третьей (Союз независимых социал-демократов, СНСД) партий системы было почти таким же (1,14). В шестом созыве ПА БиГ (после выборов 2010 г.) также насчитывала 12 политических партий при 8 из них, чья доля мест превышала 3 %. Здесь и вовсе соотношение долей мест первой и второй партий системы составляет 1, поскольку и Социал-демократическая партия Боснии и Герцеговины (СДП), и СНСД имели равное количество мандатов в парламенте. Соотношение долей мест второй и третьей партий системы так же, как и в предыдущем созыве боснийского парламента, низко — 1,14 (ПДД имела всего на один мандат меньше первых двух партий). Поэтому неудивительно, что двухпартийная концентрация здесь составляет лишь 38,1 %.

Таковую же ситуацию мы видим и в седьмом созыве парламента Боснии и Герцеговины, конституированного по итогам выборов 2014 г. Двухпартийная концентрация здесь идентична предыдущему созыву парламента (38,1 %), но на этот раз лидирующая ПДД имеет 23,8 % мест, а вторая партия системы (СНСД) — 14,3 % (это повлияло на незначительное увеличение показателя соотношения долей мест первой и второй партий, достигшего 1,7). Однако уже соотношение долей мест второй и третьей партий снова мало — 1,2. Третье место делят в этом созыве Сербская демократическая партия (СрДП) и Демократический фронт (ДФ).

Показатели концентрации партий в системе также свидетельствуют о крайне высокой плотности партийной

системы Боснии и Герцеговины и подтверждают наличие баланса между партиями в рамках крайней многопартийности согласно количеству релевантных партий.

Для иллюстрации тенденций, выделенных нами при анализе действительных чисел партий в системе и агрегированных показателей их концентрации в системе, рассмотрим состав правительств Боснии и Герцеговины на федеральном уровне (Совет министров Боснии и Герцеговины).

После выборов в октябре 2006 г. чуть более трех месяцев было потрачено на формирование Совета министров (СМ БиГ), что является типичной ситуацией, учитывая непростые взаимоотношения политических акторов в Боснии и Герцеговине, особенно на федеральном уровне. Правительство в итоге составили представители СНСД (председатель и 2 министра), Хорватского демократического содружества Боснии и Герцеговины (ХДС БиГ) (3 министра, включая заместителя председателя), ПДД (2 министра, включая заместителя председателя) и ПБиГ (также 2 министра). Следует отметить, что представитель СНСД был избран руководителем Совета министров, несмотря на то что по количеству полученных мандатов эта партия находилась на третьем месте после ПДД и ПБиГ (правда, еще раз укажем на значительную концентрацию партий в партийной системе). Точно так же ХДС БиГ контролировал три министерства, хотя по количеству мандатов находился на пятом месте.

После выборов, состоявшихся в октябре 2010 г., правительство Боснии и Герцеговины составили 6 политических партий: ХДС БиГ (председатель и 1 министр), СДП (2 министра, включая заместителя председателя), СНСД (2 министра, включая заместителя председателя), СрДП (1 министр), ХДС 1990 (1 министр) и ПДД (2 министра). Здесь ситуация уже более равномерно отражает результаты, продемонстрированные партиями на выборах: две наиболее сильные партии, СНСД и СДП, получили по месту заместителя председателя Совета министров. Однако, так как взгляды на государственное строительство в Боснии и Герцеговине сильно различаются у этих в тот период сильнейших партий страны (СДП и СНСД), функционирование правительства не было легким. Поскольку структура Боснии и Герцеговины предполагает сотрудничество всех образующих ее народов, часто подобное сотрудничество становится «вынужденным» и

период действия правительства отмечается перестановками в его составе. Например, в тот период деятельности Совета министров в его состав был включен представитель партии «Союз за лучшее будущее» (СЛБ) (вместо представителя ПДД), но затем смещен с этого поста представителями все той же ПДД. Сам процесс формирования правительства длился полтора года, сопровождаемый многочисленными переговорами и распределением потенциальных должностей.

По итогам выборов 2014 г. Совет министров был сформирован в составе ПДД (председатель и 2 министра), ХДС БиГ (3 министра, включая заместителя председателя), СрДП (2 министра, включая заместителя председателя), Партии демократического процветания (ПДП) и СЛБ (по 1 министру). Формирование этого правительства длилось пять месяцев. Здесь также становится очевидным, что ХДС БиГ получает более весомое положение в составе правительства, чем ее результат, достигнутый по итогам выборов, что еще раз подтверждает негласный принцип, по которому в составе правительства присутствуют политические партии, имеющие сильное электоральное влияние в среде народов Боснии и Герцеговины. Еще одна важная деталь заключается в том, что в правительстве федерального уровня (Совет министров Боснии и Герцеговины) и правительстве Республики Сербской (РС) представлены разные партии, занимающие ведущие позиции среди сербского избирательного корпуса: СрДП со своим союзником ПДП вошли в состав федерального правительства, в то время как занявшая первое место в РС как избирательной единице СНСД сформировала правительство РС.

Для оценки стабильности или изменчивости поддержки избирателями той или иной политической силы, выступающей на выборах, обычно используют индекс *электоральной волатильности (неустойчивости)*. Его смысл заключается в подсчете разницы между голосами, набранными конкретной политической силой, участвовавшей на определенных выборах и голосов, полученных этой же политической силой, на предыдущих выборах. Показатель совокупной избирательной неустойчивости для партийной системы Боснии и Герцеговины представлен в табл. 4.

Таблица 4

Электоральная неустойчивость в партийной системе Боснии и Герцеговины с 2006 по 2010 г.*

Годы начальных и конечных выборов при измерении показателя	TNC; совокупная электоральная неустойчивость, %
2006—2010 гг., Федерация Боснии и Герцеговины (ФБиГ)	54,58
2010—2014 гг., ФБиГ	53,37
2006—2010 гг., РС	11,93
2010—2014 гг., РС	19,38

* Собственные вычисления автора на основе методологии М. Педерсена [4] и данных по выборам в парламент Боснии и Герцеговины. Показатель электоральной волатильности высчитывается по следующей формуле:

$$TNC = \sum I \Delta P_{i,t} I, \quad (5)$$

где TNC — совокупная электоральная волатильность системы, P — процент голосов, полученных партией i на выборах t.

Поскольку выборы в ПА БиГ (нижнюю палату — Дом депутатов) происходят по двум большим избирательным единицам — 501-й (ФБиГ) и 502-й (РС), то целесообразно оперировать показателями электоральной неустойчивости внутри этих единиц. Если партии на одних из этих двух выборов выступали в коалиции, а на других выходили самостоятельно, то в итоговом индексе мы учитываем суммарный показатель тех партий, которые составляли коалицию на тех вторых выборах, как если бы они составили ее на первых выборах.

Совокупная электоральная неустойчивость в 502-й избирательной единице для выборов в ПА БиГ с 2006 по 2010 г. составляет 54,6 %. Столь высокий результат можно объяснить следующими обстоятельствами. Во-первых, в 2010 г. в выборах принимала участие новая политическая сила — Союз для лучшего будущего, набравший 12,2 % голосов и внесший существенный вклад в итоговый показатель волатильности. Во-вторых, другие два больших значения волатильности зафиксированы у партий, имеющих близкий электорат — Партии для Боснии и Герцеговины и СДП (15,7 и 10,7 % соответственно). В этом случае имелась не столько межсекторальная волатильность, сколько волатильность внутри определенного партийного сегмента (поскольку ПБГ и по большей части СДП являются одними из немногих в Боснии и Герцеговине, которые формально не определяют себя как партии определенного национального корпуса).

Электоральная волатильность в ФБиГ при выборах в ПА БиГ с 2010 по 2014 г. составила 53,4 %. Однако и здесь мы можем увидеть такую тенденцию, как и в предыдущий временной период: львиную долю волатильности обеспечивают СДП (16,6 %) и ДФ (15,3 %). Однако ДФ впервые участвовал в выборах лишь в 2014 г. и потому его результат в общем значении волатильности по электоральному циклу не показателен. Если учесть, что ДФ был образован группой бывших членов именно СДП, то и здесь очевидна внутрисекторальность волатильности. Поэтому если мы посчитаем результаты СДП и ДФ как одно значение, то общая волатильность системы сразу упадет до 22,7 %, т. е. в 2,5 раза.

Совокупная волатильность в 501-й избирательной единице при выборах в ПА БиГ гораздо ниже, чем в ФБиГ. Так, с 2006 по 2010 г. показатель волатильности составил 11,9 %, с 2010 по 2014 г. — 19,4 %. Эти значения существенно ниже значений волатильности по ФБиГ и близки или даже ниже значений волатильности партийных систем региона, например Хорватии и Сербии. С 2006 по 2010 г. средние значения волатильности по этой избирательной единице колеблются в диапазоне 1,0—3,0 %, что является нормой или даже ниже средних значений волатильности так называемых «устойчивых» партийных систем государств Западной Европы и свидетельствуют об отсутствии резких перемещений избирателей от одних партий к другим на двух следующих друг за другом выборах. Однако и здесь заметна деталь, характерная для волатильности в ФБиГ: почти вся неустойчивость электоральных предпочтений избирателей заключена внутри одного избирательного корпуса, а не рассредоточивается между ними.

На территории РС, помимо сербского населения, проживает немалое число боснийских мусульман и в меньшей степени хорватов. Как правило, эти люди голосуют за партии, представляющие их так называемый национальный корпус. Например, ПДД, одна из ведущих политических сил на федеральном уровне, получает свои голоса в основном в ФБиГ как избирательной единице, однако в 2006 и 2014 гг. она также получила один мандат и в РС как избирательной единице (как следует предположить, голосами мусульманского населения). Ее показатель демонстрирует отрицательную волатильность в 1,0 %, в то время как показатель СДП, за

которую также с большой долей вероятности отдаст свои голоса мусульманское население РС (правда, не набравшей немного голосов для получения мандата в РС в 2010 г.), демонстрирует положительную волатильность в 0,8 %. Можно утверждать, что здесь наблюдается внутрисекторальная волатильность среди одного избирательного корпуса. В остальном структура электорального соревнования в РС демонстрирует стабильность на протяжении всех трех выборов, где основная конкуренция развивается между СНСД, с одной стороны, и СрДП и ПДП, с другой стороны. Соответственно, в основном потеря голосов одной из указанных политических сил повторяет совокупную прибыль голосов другой. Исключением стала некоторая непропорциональность результатов на последних выборах 2014 г., когда СНСД вместе со своим союзником на уровне парламента РС Демократическим народным союзом (ДНС), выступавшим в коалиции с еще двумя партиями, потеряли около 5,5 % голосов по сравнению с предыдущими выборами, тогда как СрДП, а также ПДП вместе со своим партнером по коалиции Народным демократическим движением (НДД) набрали на 12,0 % голосов больше, чем на предыдущих выборах.

Отметим, что в РС актуален вопрос о голосах тех, кто имеет регистрацию на территории РС, но проживает на территории ФБиГ. В течение последних нескольких лет со стороны СНСД часто звучат обвинения своего соперника по партийному соревнованию среди сербского избирательного корпуса в том, что неуклонное увеличение голосов СрДП и ее партнеров достигается в том числе благодаря голосам боснийских мусульман, которые на автобусах приезжают голосовать на территорию РС. Эти обвинения невозможно проверить, принимая во внимание международные стандарты выборов в аспекте их тайности, и, естественно, они будут оставаться на уровне спекуляций, однако резкое увеличение совокупного числа избирателей, вышедших к урнам для голосования, с 558 706 до 621 276 чел. с 2006 по 2010 г. и чуть меньшее увеличение до 647 615 чел. в 2014 г., трудно объяснить лишь в рамках традиционной теории повышения явки избирателей в связи с особым повышением значения выборов в отдельно взятый период.

Теперь обратимся к характеристике поляризации партийной системы Боснии и Герцеговины. Соответствующие для

такого измерения показатели приведены в табл. 5. Заметим, что мы оперировали двумя идеологическими измерениями: классическим экономическим лево-правым измерением, где положение партий оценивается согласно их позиции относительно распределения материальных ценностей в обществе и степени желательности участия государства в экономике, а также постматериалистическим лево-правым измерением, где принимаются во внимание позиции партий относительно их позиции в отношении нематериальных ценностей (дихотомия «либертарианство — традиционализм»).

Таблица 5

Показатели идеологического центра притяжения и поляризации партийной системы Боснии и Герцеговины на современном этапе (по итогам выборов 2014 г.)*

Показатель	Переменная	Значение	Переменная	Значение
ICG (идеологический центр притяжения партийной системы)	Классическое лево-правое измерение	4,76	Постматериалистическое лево-правое измерение	5,48
PSPol (поляризация партийной системы)	Классическое лево-правое измерение	0,35	Сумма классического и постматериалистического лево-правого измерений	0,53

* Собственные вычисления автора на основе методологии Д. Гросса и Л. Сигельмана [27] и данных по выборам в парламент Боснии и Герцеговины. Значение идеологического притяжения рассчитывается по следующей формуле:

$$ICG = \sum_{i=1}^n T_i C_i, \quad (6)$$

где T_i — доля мест партии i на выборах, выраженная в десятичных числах, C_i — позиция партии i на идеологическом континууме, выраженная числом. Значение может варьироваться от 1 (крайне левая позиция) до 10 (крайне правая позиция).

Показатель поляризации партийной системы рассчитывается по следующей формуле:

$$PSPol = \sum_{i=1}^n F_i (X_i - x_{mean})^2, \quad (7)$$

где F_i — процент голосов, завоеванных каждой партией, X_i — положение конкретной партии на лево-правой шкале, а x_{mean} — среднее значение партийной системы по лево-правой шкале. Значение может варьироваться от 0 (отсутствие поляризации) до 1 (максимальная поляризованность системы).

Аналогичная методика в настоящий момент используется большим числом исследователей, поскольку уже довольно долгое время абсолютно недостаточно лишь одного экономического измерения, учитывая влияние эпохи постмодерна и важность для большинства индивидов ценностных аспектов общественной жизни наряду с материальным благосостоянием [28]. Для определения идеологического центра притяжения партийной системы после выборов 2014 г. нами выставлены оценки для каждой из парламентских политических партий, от 1 (крайне левая партия) до 10 (крайне правая партия) по двум разновидностям лево-правого измерения (классического, «экономического» и постматериалистического, «ценностного») на основе анализа их основных программных документов.

Идеологический центр притяжения системы, согласно классическому лево-правому измерению, находится на отметке в 4,76. Если сопоставить показатели по данному параметру партийной системы Боснии и Герцеговины с аналогичным значением для партийных систем государств — соседей по региону, Хорватии и Сербии (которые имеют показатель 4,32 и 4,33 соответственно), становится очевидным его более близкое к центру расположение. Значения партий в нынешнем созыве ПА БиГ варьируются от 4 до 6, отсутствуют партии, получившие значение 3. Возможно это не столь логично на первый взгляд, поскольку уровень жизни населения в Боснии и Герцеговине ниже, чем в соседней Сербии и особенно в сравнении с Хорватией, политические силы могли бы смещать фокус своих позиций по экономическому измерению левее от центра. Однако большинство партий в Боснии и Герцеговине, обращая внимание на необходимость разумного участия государства в распределении общественных благ, все же главным своим лозунгом провозглашают достижение более высокого стандарта жизни для своих граждан посредством поощрения предпринимательской деятельности.

Также большинство партий поддерживает снижение налоговой нагрузки на бизнес, и лишь немногие упоминают о необходимости введения прогрессивной шкалы налогообложения. Почти не существует релевантных политических партий, которые бы призывали замедлить процесс приватизации. При этом необходимо отметить, что оценивание партий в Боснии и Герцеговине по классической лево-правой

шкале представляет некоторые трудности. Более половины акторов партийной системы ухитрились совместить в своих программных документах и экономическое равенство (для всех групп населения), и приоритет индивидуальной экономической свободы, необходимость выполнения государством регулирующей роли «там, где это нужно» и в то же время меньшие государственные расходы (на социальные нужды), негативный эффект от которых должен бы быть компенсирован эффективными стратегиями ведения предпринимательской деятельности.

Это косвенно указывает на то, что основной параметр соревнования партий в политической системе вращается вокруг другого аспекта государственной политики. Согласно постматериалистическому измерению, идеологический центр притяжения имеет значение 5,5. Этот показатель также смещен вправо по сравнению с показателем партийных систем Хорватии (5,0) и Сербии (4,9). Здесь очевидно более правое расположение партий Боснии и Герцеговины на шкале постматериалистического измерения: две партии имеют показатель 7 (крупнейшая партия системы — ПДД, а также основная партия хорватского национального корпуса — ХДС БиГ) и лишь одна партия получает значение 3 (Боснийско-герцеговинская патриотическая партия, БПП), в то время как большинство партий получили оценки от 4 до 6. Общий показатель смещен вправо почти на половину единичного отрезка, вследствие того, что помимо ПДД, еще и такие крупные партии, как СНСД и СрДП, получили значения 5 и 6 соответственно. Однако и постматериалистическое измерение не является доминирующим для большинства партий Боснии и Герцеговины. Показатели поляризации партийной системы, которые на первый взгляд кажутся немалыми (0,4 по классическому измерению и 0,53 по сумме двух измерений), в сущности, скорее, характеризуют большую концентрацию партий в системе вследствие специфики формирования ПА БиГ (из двух избирательных единиц), когда партии не имеют большого процентного числа мандатов. Между тем эти показатели больше, чем аналогичные значения для партийных систем Хорватии, где второе измерение также преобладает над первым (0,3 и 0,5 соответственно), и Сербии, где первое измерение более сильно (0,3 и 0,2 соответственно). Таким образом, партийная

система Боснии и Герцеговины, помимо некоторого преобладания постматериалистического (ценностного) измерения над классическим (экономическим), обнаруживает значения, несколько превышающие аналогичные для двух ее соседей по региону. Однако если хорватская партийная система имеет наиболее характерное для постматериалистического континуума большинства государств современной Европы разделение по билатеральной оппозиции либертарианства и традиционализма, то партийную систему Боснии и Герцеговины отличает иное доминирующее разделение — оппозиция партий так называемой «гражданской» ориентации и партий, чьим электоратом являются главным образом четко определенные крупнейшие этнические группы населения.

В этом заключается *характерная особенность партийной системы Боснии и Герцеговины*, которая влияет на динамику всех уровней партийного соревнования в государстве. О том же свидетельствует и специфический характер электоральной оппозиции в Боснии и Герцеговине, в которой четко прослеживается «секторальность». Так, в РС как избирательной единице показатель волатильности партий, за которые голосует в большинстве своем несербское население и которые регулярно проходят в парламент, изменяется почти полностью пропорционально потере одной из партий и увеличению голосов другой. Например, показатель ПДД, партии, чей электоральный корпус — в основном мусульманское население, по РС с 2006 по 2010 г. негативный и составляет $-1,0\%$, а показатель СДП (партии так называемой «гражданской» ориентации, но фактически за которую также голосует несербское население РС) позитивный и составляет $0,8\%$. Наоборот, с 2010 по 2014 г. показатель СДП негативен ($-0,6\%$), а показатель ПДД позитивен ($2,2\%$). Поскольку ФБиГ как отдельная избирательная единица состоит из пространства, населенного боснийцами (мусульманами) и хорватами, аналогичные явления наблюдаются и в этой избирательной единице. Показатель волатильности для всех хорватских партий с 2006 по 2010 г. составляет $0,2\%$, а для партий, ориентированных на сербский электорат, — $0,1\%$. С 2010 по 2014 г. указанные показатели составили 1,1 и $0,4\%$ соответственно. Значение этих показателей находится в пределах статистической погрешности и при прочих равных условиях могло бы не приниматься во внимание,

поскольку свидетельствует практически об отсутствии потерь или приобретений этими партиями голосов от одних выборов к другим. Соответственно, можно констатировать *крайне стабильную, не подверженную значительным колебаниям во времени структуру избирательного корпуса партий, ориентированных на отдельные этнические группы населения, где политическое соревнование между акторами системы протекает главным образом внутри этих обособленных электоральных групп*. Причем партии определенных «национальных корпусов» обладают наибольшим относительным весом в системе по сравнению с партиями «гражданской» ориентации, на что указывает высокое значение поляризации системы по ценностному измерению.

Необходим также анализ партийной системы Боснии и Герцеговины в отношении параметра открытости или закрытости соревнования за контроль над правительственными должностями. Вначале отметим характерную черту образования предвыборных коалиций в Боснии и Герцеговине, которые малочисленны, но являются стабильными. В течение последних восьми лет крупнейшие партии РС и ФБиГ предпочитают выходить на выборы самостоятельно и уже потом, при необходимости, продолжать сотрудничество на уровне парламентов двух составных частей государства или на федеральном уровне. Так, в парламенте РС регулярно сотрудничающими партнерами являются СНСД, ДНС и Социалистическая партия (СП). Из них лишь ДНС на последних выборах выходил в коалиции с миноритарными партнерами. Также в поствыборный период сотрудничают между собой СрДП и ПДП, из которых лишь ПДП выходил на последних выборах в коалиции с миноритарным НДД. Кроме указанных форм сотрудничества, другие ее разновидности не отмечены.

Для партийной жизни ФБиГ предвыборные коалиции, как правило, не характерны. Исключением являются партии хорватского национального корпуса — ХДС БиГ и Хорватское демократическое содружество — 1990 (ХДС-1990), вышедшие на выборы 2006, 2010 гг. (ХДС-1990) и 2014 г. (ХДС БиГ) в достаточно широких коалициях с миноритарными партнерами также из числа партий хорватского корпуса (причем миноритарные партнеры поменяли своего мажоритарного партнера в 2014 г. по сравнению с 2006 г. —

с ХДС-1990 на ХДС БиГ). Не было зафиксировано ни одного случая коалиционного сотрудничества партий, которые бы основную поддержку находили в составе разных народов БиГ. Все это говорит о том, что политические партии воспринимают свой электорат как весьма стабильный, не подверженный актуальным изменениям политической повестки дня. В программных декларациях ряда партий прямо указано, с какими партиями они могут, а с какими не могут иметь сотрудничество.

Очевидно, что и основные принципы формирования правительства федерального уровня (а также правительства ФБиГ) будут отличаться от тех, которыми обычно руководствуются партии в системе. В условиях, когда партии осознают, что не имеет особого смысла апеллировать к представителям другого избирательного корпуса, так как вероятность нахождения поддержки у тех ничтожно мала, у них отсутствует стимул для поиска взаимовыгодных путей сотрудничества, его развития на более долгосрочную перспективу. Процесс формирования правительства федерального уровня, таким образом, происходит по принципу нахождения максимального из возможных компромиссов (полный компромисс невозможен в принципе) с целью обеспечить функционирование правительственного мандата на определенный период путем необходимого числа поддерживающих это правительство голосов. Поэтому в составе трех правительств БиГ с 2006 г. успели побывать почти все релевантные партии страны в разных сочетаниях. С точки зрения формальных признаков это является наиболее открытым из вариантов межпартийного соревнования (поскольку все партии не только имеют реальную возможность войти в состав правительства в составе коалиции со своими партнерами, но и регулярно ротируются с другими партиями в правительстве).

Однако при более подробном рассмотрении структура соревнования не является открытой, так как формирование правительства имеет «вынужденный» характер со своими целями, которые принимаются партиями в рассмотрение при принятии решения о входе в состав правительства или предложении туда войти другой партии. Скорее, структура соревнования крайне закрыта, так как, например, формирование правительств двух составных частей Боснии и Герцеговины носит привычный характер, где его формирует

наиболее успешная по итогам выборов политическая сила и где явно просматривается «блоковый» принцип его составления (например, несколько правительств РС в течение последних десяти лет были составлены из представителей СНСД и его коалиционных партнеров). Если к этому добавить, что, согласно Конституции Боснии и Герцеговины¹, состав правительства предлагает коллективный Президиум Боснии и Герцеговины, а утверждает ПА БиГ, становится понятным то время, которое очень часто требуется для согласования состава федерального совета министров, и те трудности, с которыми протекает этот процесс.

В частности, поскольку Президиум БиГ избирается напрямую гражданами (точнее, тремя народами избирается представитель в президиуме от каждого; в ФБиГ — от боснийского и хорватского, в РС — от сербского), то могут существовать несовпадения в партийной принадлежности избранного от одного из народов члена президиума и большинства мест, полученных лидирующей партией в ПА БиГ, и процесс предложения (и отклонения депутатами от оппозирующего большинства в парламенте) кандидатуры может длиться довольно долго, что и показывает практика. Например, в 2006 г. членом президиума от боснийского народа был избран представитель ПБиГ, в то время как наиболее крупной партией от боснийского национального корпуса стала тогда ПДД. В 2010 г. в президиум избран представитель ПДД, тогда как крупнейшей партией являлся СДП. Наконец, после выборов 2014 г. СНСД удалось удержать лидирующие позиции на парламентском уровне, тогда как незначительным большинством голосов членом президиума от сербского народа был избран представитель ПДП.

Обсуждение и заключения. Партийная система Боснии и Герцеговины характеризуется более высокими показателями фракционализации партийной системы и действительных чисел партий системы, чем те, которые присутствуют в партийных системах государств региона. Конечно, на это повлияло небольшое число депутатов в нижней палате ПА БиГ по сравнению с парламентами других государств

¹ См.: Конституция Боснии и Герцеговины // Международные организации и кризис на Балканах. Документы: в 3 т. / Рос. акад. наук. Ин-т славяноведения. Центр по изучению соврем. балканского кризиса; сост. и отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М.: Индрик, 2000. Т. 3. С. 238—249.

региона и даже самих энтитетов (например, парламенты ФБиГ и РС имеют 98 и 83 депутата соответственно). Вследствие этого по-иному искажаются голоса, полученные партиями на выборах при процессе перевода их в депутатские мандаты, что во многом искусственно приводит к высокой концентрации партий на парламентском уровне партийной системы.

Однако высокие показатели действительного числа электоральных партий говорят о том, что партийная система Боснии и Герцеговины отличается крайней плотностью расположения акторов. Кроме того, голоса и места, полученные партиями, считались нами для ПА БиГ путем суммирования их результатов в двух избирательных единицах (РС и ФБиГ). Если это не вносит корректив в итоговый парламентский показатель (поскольку здесь важна относительная сила партии именно в том органе, в который она избрана, так как взаимодействовать с другими акторами системы на основе имеющихся у нее ресурсов она будет именно в этих условиях), то итоговый показатель электорального числа партий искажается значительно. Хотя и он имеет смысл для понимания процентной доли электората у отдельных партий в масштабе всей страны (как показатель силы определенных настроений населения), все же голоса партии получали в отдельных избирательных единицах, и относительную силу на электоральном уровне они также демонстрировали именно в отдельных избирательных единицах. Если принять во внимание данное обстоятельство, то соответствующие значения не будут отличаться от значений, характерных, например, для партийных систем Хорватии или Сербии. На выборах 2014 г. в избирательной единице в РС СНСД и СрДП набрали более 30 % голосов каждая, на уровне Боснии и Герцеговины это число «превратилось» в показатели около 15 и 12 % соответственно. Таким образом, они отстают от следующей за ними ПДП на 30 и 25 % соответственно.

Агрегированные показатели партийной концентрации также говорят о значительной плотности акторов в партийной системе Боснии и Герцеговины, что свидетельствует о равномерной дисперсии политических сил на парламентском уровне системы, что, с одной стороны, отражает противостоящие друг другу интересы отдельных сообществ (что важно

для всей политической системы Боснии и Герцеговины в силу институционального устройства этого государства), с другой — затрудняет нахождение компромисса по отдельным вопросам повестки дня. Показатели электральной волатильности говорят о преимущественно внутрисекторальном характере этого процесса, за редкими исключениями партий так называемой «гражданской» ориентации. На это же указывают и показатели стилей соревнования за контроль над правительством и по сути относительно невысокая поляризация партийной системы по двум измерениям при значительной степени эклектичности предвыборных программ партий, что говорит о том, что основной вектор соревнования вращается вокруг вопросов, связанных с актуальными проблемами институционального устройства Боснии и Герцеговины и, соответственно, вокруг проблематики, характерной для общественно-политической жизни отдельных сегментов боснийско-герцеговинского общества.

Таким образом, в соответствии с классификацией А. Сиароффа [5], партийная система Боснии и Герцеговины может быть охарактеризована как крайне многопартийная с относительным балансом партий в системе, а по широко распространенной комплексной классификации С. Уолинеца [11], внутренняя динамика партийной системы страны делает ее наиболее близкой к такому типу, как расширенная многопартийная система (по числу релевантных партий) с умеренной поляризацией (по классическому и постматериалистическому измерению) и с многополярным характером соревнования (где существует несколько важных для партийной системы идеологических измерений).

В целом партийная система Боснии и Герцеговины по основным параметрам не отличается от таковых в других европейских государствах в том, что касается масштабов и общей направленности ее идеологической поляризации. То же самое верно и в отношении относительной силы составляющих ее акторов, если мы примем во внимание сложную институциональную структуру самого государства, которая посредством избирательной системы влияет и на структуру элементов партийной системы и, соответственно, на баланс ее основных акторов. Если говорить о внешнеполитическом измерении соревнования в партийной системе Боснии и Герцеговины, то оно, в отличие от некоторых стран реги-

она, не является доминирующим идеологическим вектором соперничества акторов в системе, поскольку не существует релевантных политических партий, принципиально оспаривающих необходимость участия государства в евроинтеграционных процессах. Особенностью партийной системы Боснии и Герцеговины является ее *структурированность вдоль определенных, в большой степени изолированных друг от друга, политических единиц, которые составлены из трех ее основных этнических групп и которые явно выражены сквозь призму соответствующих электральных корпусов*. Основная ось межпартийного соревнования в Боснии и Герцеговине, таким образом, вращается вокруг вопросов институционального дизайна государства и иной актуальной для жизни отдельных этнических сообществ тематики, что свидетельствует о незавершенности политических дискуссий, касающихся стержневых основ строительства государства и необходимости создания единой боснийско-герцеговинской нации, где основные позиции партий боснийского национального корпуса в общем виде могут быть сведены к желательности продвижения государства по пути большей унитаризации на всех уровнях принятия решений, сербского национального корпуса — к максимальной децентрализации и четкому следованию букве и духу соглашений из Дейтона, а партий хорватского национального корпуса — к необходимости предоставления хорватскому сообществу в Боснии и Герцеговине равного с боснийским и сербским народами положения посредством образования третьего энтитета в Боснии и Герцеговине. При этом в определенные периоды в зависимости от конкретных обстоятельств интересы представителей трех народов могут пересекаться, что во многом определяет протекание политического процесса в государстве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Laakso M., Taagepera R. Effective Number of Parties: Measure with Application to West Europe // *Comparative Political Studies*. 1979. Vol. 12, no. 1. Pp. 3—27.
2. Molinar J. Counting the Number of Parties: An Alternative Index // *The American Political Science Review*. 1991. Vol. 85, no. 4. Pp. 1383—1391. DOI: <https://doi.org/10.2307/1963951>
3. Rae D. *The Political Consequences of Electoral Laws*. New Haven: Yale University Press, 1967. 173 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/446528>

4. Pedersen M.N. The Dynamics of European Party Systems: Changing Patterns of Electoral Volatility // *European Journal of Political Research*. 1979. Vol. 7, no. 2. Pp. 1—26. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.1979.tb01267.x>
5. Siaroff A. A Typology of Contemporary Party Systems: Paper presented at the 20th World Congress of the International Political Science Association, 9—13 July 2006. URL: http://paperroom.ipsa.org/papers/paper_5213.pdf (дата обращения: 18.09.2016).
6. Blondel J. Party Systems and Patterns of Government in Western Democracies // *Canadian Journal of Political Science*. 1968. Vol. 1, no. 2. Pp. 180—203. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0008423900036507>
7. Mair P. Parameters of Change // *The West European Party System* / ed. by P. Mair. Oxf.: Oxf. Univ. Press, 1990. Pp. 208—217.
8. Sigelman L., Yough S.N. Left-Right Polarization in National Party Systems: A Cross-National Analysis // *Comparative Political Studies*. 1978. Vol. 11, no. 3. Pp. 355—379. DOI: <https://doi.org/10.1177/001041407801100304>
9. Dalton R.J. The Quantity and the Quality of Party Systems: Party System Polarization, its Measurement and its Consequences // *Comparative Political Studies*. 2008. Vol. 41, no. 7. Pp. 899—920. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414008315860>
10. Curini L., Hino A. Missing Links in Party System Polarization: How Institutions and Voters Matter // *Journal of Politics*. 2012. Vol. 74, no. 2. Pp. 460—473. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0022381611001721>
11. Wolinetz S. Party Systems and Party System Types // *Handbook on Political Parties* (eds. R. Katz and W. Crotty). L.: Sage Publications, 2006. Pp. 51—62. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781848608047.n7>
12. Ishiyama J.T. The Sickie or the Rose? Previous Regime Types and the Evolution of the Ex-Communist Parties in Post-Communist Politics // *Comparative Political Studies*. 1997. Vol. 3, no. 3. Pp. 299—330. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414097030003002>
13. Druckman J.N., Roberts A. Communist Successor Parties and Coalition Formation in Eastern Europe // *Legislative Studies Quarterly*. 2007. Vol. 32, no. 1. Pp. 5—31. DOI: <https://doi.org/10.3162/036298007x201967>
14. Reich G. The evolution of new party systems: are early elections exceptional? // *Electoral Studies*. 2004. Vol. 23, no. 2. Pp. 235—250. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0261-3794\(03\)00038-6](https://doi.org/10.1016/s0261-3794(03)00038-6)
15. Bielasia J. The Institutionalization of Electoral and Party Systems in Postcommunist States // *Comparative Politics*. 2002. Vol. 31, no. 2. Pp. 189—210. DOI: <https://doi.org/10.2307/4146937>
16. Kitschelt H. The Formation of Party Systems in East Central Europe // *Politics and Society*. 1992. Vol. 20, no. 1. Pp. 7—50. DOI: <https://doi.org/10.1177/0032329292020001003>
17. Pop-Eleches G. Historical Legacies and Post-Communist Regime Change // *Journal of Politics*. 2007. Vol. 69, no. 4. Pp. 908—926. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2508.2007.00598.x>

18. Toka G. Party Appeals and Voter Loyalty in New Democracies // *Political Studies*. 1998. Vol. 46, no. 3. Pp. 589—610. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9248.00156>
19. Grzymala-Busse A. Coalition Formation and the Regime Divide in New Democracies: East Central Europe // *Comparative Politics*. 2001. Vol. 31, no. 1. Pp. 85—104. DOI: <https://doi.org/10.2307/422416>
20. Mueller-Rommel F. Types of Cabinet Durability in Central Eastern Europe // *CSD Working Papers*. URL: <https://escholarship.org/uc/item/8cv4134w.14p>. (дата обращения: 18.09.2016).
21. Toole J. Government Formation and Party System Stabilization in East Central Europe // *Party Politics*. 2000. Vol. 6, no. 4. Pp. 441—461. DOI: <https://doi.org/10.1177/135406880006004003>
22. Kubat M. The Party System in Central Europe after 20 years (Standard or Exceptional?) // *The Journal of the Central European Political Science Association*. 2010. Vol. 6, no. 1. Pp. 124—132. URL: https://www.researchgate.net/publication/46389225_The_Party_System_in_Central_Europe_after_20_Years_Standard_or_Exceptional (дата обращения: 19.09.2016).
23. Rovny J. Party Competition Structure in Eastern Europe: Aggregate Uniformity versus Idiosyncratic Diversity? // *East European Politics and Societies*, SAGE Publications. 2015. Vol. 29, no. 1. Pp. 1—21. DOI: <https://doi.org/10.1177/0888325414567535>
24. Kapidzic D. Stranacki sustav // *Politicki pluralizam i unutarstranacka demokratija*. Nacionalna studija za Bosnu i Hercegovinu. Podgorica: CeMi, 2015. Pp. 33—51.
25. Osmic A. Izborne kampanje i opci izbori od 1996. do 2014. godine // *Politicki pluralizam i unutarstranacka demokratija*. Nacionalna studija za Bosnu i Hercegovinu. Podgorica: CeMi, 2015. Pp. 87—106.
26. Sartori G. *Parties and Party Systems: a Framework for Analysis*. Cambridge, 1976. 370 p.
27. Gross D., Sigelman L. Comparing Party Systems: A Multidimensional Approach // *Comparative Politics*. 1984. Vol. 16, no. 4. Pp. 463—479. DOI: <https://doi.org/10.2307/421950>
28. Marks G., et al. Party Competition and European Integration in the East and West: Different Structure, Same Causality // *Comparative Political Studies*. 2006. Vol. 39, no. 2. Pp. 155—175. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414005281932>

Для цитирования: Елсаков А.С. Основные характеристики партийной системы Боснии и Герцеговины // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2017. Т. 25, № 3. С. 316—353.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

**A. S. ELSAKOV. THE MAIN CHARACTERISTICS
OF THE PARTY SYSTEM OF BOSNIA AND HERZEGOVINA**

Keywords: region; Bosnia and Herzegovina; party system; political parties; structure of the party system; actual number of parties; fractionalization of the party system; electoral volatility; polarization of the party system; segmented society

Introduction: Bosnia and Herzegovina as part of the Western Balkans region belongs to the group of countries of Central and Eastern Europe. After the end of the cold war, these states have undergone a multistage socio-political transformation: the processes of “democratic transition” in the political sphere of life of the society were accompanied by market reforms in the socio-economic sphere in the conditions of extensively changed international context where these countries have committed to participate in the processes of European integration. These aspects influenced the configuration of the party systems of CEE states, and the case of Bosnia and Herzegovina also has its own characteristics: the heterogeneity of the ethnic composition of the population where there are three major groups well-organized politically and socially, and a specific state structure that arose as a result of the end of an armed conflict that accompanied the disintegration of former Yugoslavia, together setting certain framework of the political process in the state. Political parties, acting as the main link between the administrative structures in the country and its population, may be an important indicator of the public-political discourse prevailing in the state, which one way or another affects the structure of the party system and the main directions of the competition between the main actors in the system.

Materials and Methods: the analysis of the party system of Bosnia and Herzegovina was carried out with the use of the statistical data for three election cycles (from 2006 to 2014) in order to deal with its persistent and recurring characteristics. The article is based on the systemic approach to the study of party systems: the phenomenon of the party system is seen as that having its own attributes that affect the flow of processes in the system and, thus, the party system as such cannot be reduced to a simple set of constituent elements (political parties). The party system of Bosnia and Herzegovina was considered through the prism of the two main aspects of studying party systems: the number and relative strength of its constituent elements (for this purpose certain indicators were used, such as fractionalization of a party system, the effective number of parties in the system, the degree of electoral volatility of the system, the extent of concentration of parties in the system) and the scope of ideological polarization of the party system (to characterize which, indicators of ideological center of gravity of the system and the extent of its polarization were used). The degree of openness of the party system describing how and in what direction inherent system constraints influence the behavior of the operating actors was also identified.

Results: the party system of Bosnia and Herzegovina is an extremely multi-party one with a relative balance between the system’s actors. At the same time, the party composition of the country’s governments and the inner sector nature of electoral volatility of political parties further indicate that there are clear ways in which the political competition generally takes place in the system in the extremely stable, not subject to large time variations structure of the electoral body of parties focused on separate ethnic groups. This is also proved by the very reasonable indicators of ideological polarization of the party system of Bosnia and Herzegovina in the economic and post-materialist dimensions, while the value dimension of the ideological center of gravity of the system is shifted somewhat to the right. The main style of competition for participation in the government between the actors of the party system also demonstrates the extremely closed nature of the party system of Bosnia and Herzegovina in this context.

Discussion and Conclusions: the specific institutional design of the state authorities in Bosnia and Herzegovina and the related characteristic features of the electoral system directly affect many aspects of the configuration of the party system of the country. In general, the party system of Bosnia and Herzegovina can be classified as an extended multi-party system (according to the number of relevant parties) with moderate polarization (according to the classical and post-materialist dimensions) and with the multipolar nature of the competition (with several ideological dimensions, distinguished by the degree of importance for the party system). A feature of the party system of Bosnia and Herzegovina is its structuring along certain political units highly isolated from each other and made up of its three major ethnic groups, and which are explicitly expressed through the prism of the relevant electoral bodies. Thus, the main axis of the inter-party competition in Bosnia and Herzegovina concerns the issues of the institutional setup of state bodies and their competencies, as well as other issues relevant to the lives of individual ethnic communities, which provides as an evidence that political questions of the core foundations of the state-building process and of the very necessity to create the united Bosnian-Herzegovinian nation are far from being closed.

REFERENCES

1. Laakso M., Taagepera R. Effective Number of Parties: Measure with Application to West Europe. *Comparative Political Studies*. 1979; 1(12):3—27.
2. Molinar J. Counting the Number of Parties: An Alternative Index. *The American Political Science Review*. 1991; 4(85):1383—1391. DOI: <https://doi.org/10.2307/1963951>
3. Rae D. *The Political Consequences of Electoral Laws*. New Haven: Yale University Press; 1967. 173 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/446528>
4. Pedersen M.N. The Dynamics of European Party Systems: Changing Patterns of Electoral Volatility. *European Journal of Political Research*. 1979; 2(7):1—26. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.1979.tb01267.x>

5. Siaroff A. A Typology of Contemporary Party Systems: Paper presented at the 20th World Congress of the International Political Science Association, 9—13 July 2006. Available at: http://paperroom.ipsa.org/papers/paper_5213.pdf (accessed 18.09.2016).
6. Blondel J. Party Systems and Patterns of Government in Western Democracies. *Canadian Journal of Political Science*. 1968; 2(1):180—203. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0008423900036507>
7. Mair P. Parameters of Change. The West European Party System. Oxford: Oxford University Press; 1990. Pp. 208—217.
8. Sigelman L., Yough S.N. Left-Right Polarization in National Party Systems: A Cross-National Analysis. *Comparative Political Studies*. 1978; 3(11):355—379. DOI: <https://doi.org/10.1177/001041407801100304>
9. Dalton R.J. The Quantity and the Quality of Party Systems: Party System Polarization, its Measurement and its Consequences. *Comparative Political Studies*. 2008; 7(41):899—920. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414008315860>
10. Curini L., Hino A. Missing Links in Party System Polarization: How Institutions and Voters Matter. *Journal of Politics*. 2012; 2(74):460—473. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0022381611001721>
11. Wolinetz S. Party Systems and Party System Types. In: Handbook on Political Parties (eds. R. Katz and W. Crotty). London: Sage Publications; 2006. Pp. 51—62. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781848608047.n7>
12. Ishiyama J.T. The Sickle or the Rose? Previous Regime Types and the Evolution of the Ex-Communist Parties in Post-Communist Politics. *Comparative Political Studies*. 1997; 3(3):299—330. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414097030003002>
13. Druckman J.N., Roberts A. Communist Successor Parties and Coalition Formation in Eastern Europe. *Legislative Studies Quarterly*. 2007; 1(32):5—31. DOI: <https://doi.org/10.3162/036298007x201967>
14. Reich G. The evolution of new party systems: are early elections exceptional? *Electoral Studies*. 2004; 2(23):235—250. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0261-3794\(03\)00038-6](https://doi.org/10.1016/s0261-3794(03)00038-6)
15. Bielasiak J. The Institutionalization of Electoral and Party Systems in Postcommunist States. *Comparative Politics*. 2002; 2(31):189—210. DOI: <https://doi.org/10.2307/4146937>
16. Kitschelt H. The Formation of Party Systems in East Central Europe. *Politics and Society*. 1992; 1(20):7—50. DOI: <https://doi.org/10.1177/0032329292020001003>
17. Pop-Eleches G. Historical Legacies and Post-Communist Regime Change. *Journal of Politics*. 2007; 4(69):908—926. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2508.2007.00598.x>
18. Toka G. Party Appeals and Voter Loyalty in New Democracies. *Political Studies*. 1998; 3(46):589—610. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9248.00156>
19. Grzymala-Busse A. Coalition Formation and the Regime Divide in New Democracies: East Central Europe. *Comparative Politics*. 2001; 1(31):85—104. DOI: <https://doi.org/10.2307/422416>

20. Mueller-Rommel F. Types of Cabinet Durability in Central Eastern Europe. In: CSD Working Papers. Available at: <https://escholarship.org/uc/item/8cv4134w.14p> (accessed 18.09.2016).
21. Toole J. Government Formation and Party System Stabilization in East Central Europe. *Party Politics*. 2000; 4(6):441—461. DOI: <https://doi.org/10.1177/135406880006004003>
22. Kubat M. The Party System in Central Europe after 20 years (Standard or Exceptional?). *The Journal of the Central European Political Science Association*. 2010; 1(6):124—132. Available at: https://www.researchgate.net/publication/46389225_The_Party_System_in_Central_Europe_after_20_Years_Standard_or_Exceptional (accessed 19.09.2016).
23. Rovny J. Party Competition Structure in Eastern Europe: Aggregate Uniformity versus Idiosyncratic Diversity? *East European Politics and Societies, SAGE Publications*. 2015; 1(29):1—21. DOI: <https://doi.org/10.1177/0888325414567535>
24. Kapidzic D. Stranacki sustav. In: Politicki pluralizam i unutarstranacka demokratija. Nacionalna studija za Bosnu i Hercegovinu. Podgorica: CeMi; 2015. Pp. 33—51.
25. Osmic A. Izborne kampanje i opci izbori od 1996. do 2014. godine. In: Politicki pluralizam i unutarstranacka demokratija. Nacionalna studija za Bosnu i Hercegovinu. Podgorica: CeMi; 2015. Pp. 87—106.
26. Sartori G. Parties and Party Systems: a Framework for Analysis. Cambridge; 1976. 370 p.
27. Gross D., Sigelman L. Comparing Party Systems: A Multidimensional Approach. *Comparative Politics*. 1984; 4(16):463—479. DOI: <https://doi.org/10.2307/421950>
28. Marks G., et al. Party Competition and European Integration in the East and West: Different Structure, Same Causality. *Comparative Political Studies*. 2006; 2(39):155—175. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414005281932>

About the author:

Anton S. Elsakov, Postgraduate at the Department of European Studies, Saint Petersburg State University (7—9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russia) (e-mail: anton.elsakov@gmail.com). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1153-0360>

For citation: Elsakov A.S. The Main Characteristics of the Party System of Bosnia and Herzegovina. *REGIONOLOGIYA = REGIONOLOGY*. 2017; 3(25):316—353.

The author have read and approved the final manuscript.

Поступила/Submitted 12.04.2017.